

ТРОСТНИК под ВЕТРОМ

(ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА)

Тацудзо Исикава (р. 1905) — популярный писатель современной Японии, автор многих романов, повестей, рассказов, рисующих жизнь различных социальных групп и классов страны. Реалистическое по своему характеру творчество Исикава отличается социальной заостренностью и стремлением поставить и разрешить животрепещущие проблемы современности — проблемы войны и мира, свободы личности, права человека на счастье. Роман «Тростник под ветром» (1953) — одно из наиболее значительных произведений писателя, большое социальное полотно, рисующее трагедию японской интеллигенции в годы второй мировой войны и господства милитаризма.

Тацудзо Исикава принимает активное участие в литературной и общественной жизни Японии. Он один из руководителей Японского комитета солидарности стран Азии. В 1956 году

он возглавлял делегацию этого комитета, посетившую Китай, Индию, СССР и ряд других стран.

В публикуемом ниже отрывке из романа «Тростник под ветром» показан финальный эпизод трагической истории группы журналистов, арестованных по обвинению в принадлежности к Компартии, хотя в действительности никто из них не имел ни малейшего отношения к какому бы то ни было революционному движению, и тем более — к Коммунистической партии. Некоторые из арестованных умерли в процессе «следствия», остальные получили свободу только благодаря капитуляции японского империализма в 1945 году. Подчеркивая неисчислимые бедствия, которые принес милитаризм простым, рядовым людям Японии, Исикава направляет весь пафос своего романа на разоблачение милитаризма и фашизма.

Следствие по «Июкогамскому делу» началось в июне. Повсеместное разложение нравов среди правительственных чиновников в полной мере сказалось и в мире юстиции; следователь, который занимался подготовкой процесса, вел себя буквально по-хулигански; во время допроса звонил по телефону в дома свиданий, перебрасывался скабрёзными шуточками с женщинами легкого поведения, не стесняясь присутствием обвиняемых. В ответ на попытку арестованного дать объяснение по существу, громко зевал, усаживался на стул с ногами, орал: «Вон! Убирайся! С таким отпетым вралем и разговаривать бесполезно!» Нередко следователь с самого утра являлся навеселе, с красным от перепоя лицом. Трудно было даже приблизительно сказать, когда может наступить конец этому следствию.

Но уже на пятый день после капитуляции следователь внезапно явился в тюрьму и вызвал по очереди Ясухико Мацуда и Кумао Окабэ.

— Вот что, парень, война кончилась, наши подписали капитуляцию, — значит, нужно и нам поскорее закончить предварительное следствие и передать дело в суд. Ну, а после суда, всех вас, надо полагать, в тот же день

освободят из-под стражи... Давай-ка, пиши быстренько протокол показаний.

— Что такое?.. — удивился Кумао Окабэ. — Разве протокол буду писать я, а не вы?

— Да уж ладно, неважно, можешь и сам писать... Главное — поскорее.

Всю важность судейского чиновника как рукой сняло, во взгляде сквозило что-то трусливое, подленькое, хитроватое.

— Да, вот какие дела, приятель... Раз война проиграна, тут уж ничего не попишешь... — маленькие глазки пожилого низкорослого чиновника растерянно бегали за стеклами очков. — Все получилось прямо-таки шиворот-навыворот. Мы-то думали, что Тодзё-сан — самый замечательный человек в стране, а на поверку молодцами-то оказались коммунисты! Главное, нужно поскорее покончить с этим вот делом... Понял? Ты тоже, наверное, как выйдешь теперь на волю, начнешь задирать нос. Ведь теперь наступила эта — как бишь ее? — свобода... Ну что ж, желаю успеха... Э, да что попусту толковать... Если наступили такие времена, что, как говорится, камни плывут, а листья тонут... Да, нечего сказать, здорово всё переменилось... — он захихикал.

Это говорил человек, облеченный доверием государства, строгий судья, еще недавно выносивший приговоры именем императора. Однако порядок, на который он опирался, отныне уже не существовал. Законы, на основании которых в течение долгих десятилетий подвергали преследованиям и гонениям Компартию, теперь обратились в ничто. По указанию из центра следствие по делу всех политических преступников должно было быть закончено в кратчайшие сроки; все заключенные подлежали освобождению. Растерянность, охватившая прокуроров и судей, их замешательство, страх за собственную судьбу поистине не поддавались описанию. Каждый из них имел все основания опасаться, что теперь уже не коммунистов, а их самих объявят подлинными врагами народа.

Спустя неделю всем арестованным по так называемому «Йокогамскому делу» вручили обвинительное заключение. А еще через день, когда жена принесла Кумао Окабэ передачу, ей впервые за долгое время предоставили свидание с ним. До сих пор всякие свидания были запрещены.

— Я принесла тебе летний пиджак, потому что все говорят, что послезавтра, после суда, вас сразу отпустят... — волнуясь, сказала Кинуко, дрожа от радости.

К Мацуда тоже пришла жена. Она запаслась даже железнодорожными билетами, чтобы, как только мужа освободят, немедленно уехать с ним в провинцию, куда уже эвакуировалась их семья, и поправить там его расшатанное в тюрьме здоровье. Таким образом, еще до суда стало известно, что все обвиняемые будут освобождены.

Наконец наступил день суда. Это был самый удивительный процесс за все время существования судопроизводства в Японии. Обвинительное заключение по делу Окабэ, которое зачитал судья, совершенно расходилось с протоколом предварительного следствия.

— Этот документ не имеет ничего общего с тем, который я подписывал, — поднявшись с места, заявил Кумао Окабэ. — Председатель суда оперирует подложными документами!

Судья засмеялся трусливым, угодливым смехом и ничего не ответил. Встал прокурор и начал говорить обвинительную речь. Она звучала чрезвычайно причудливо.

— ...Обвиняемый Кумао Окабэ, — сказал прокурор, — по всей видимости, не признает себя виновным в коммунистической деятельности, но, с точки зрения органов прокуратуры, он совершил все-таки ряд поступков, которые являются наказуемыми деяниями. Од-

нако, поскольку обвиняемый, будучи редактором журнала «Синхёрон», занимает видное положение в обществе, пользуется известностью в журналистских кругах и вообще может считаться человеком, довольно заслуженным, следует признать, что он внес немалый вклад в японскую публицистику... Принимая во внимание все эти обстоятельства, можно прийти к выводу, что проступки и заслуги обвиняемого, так сказать, взаимно перекрывают друг друга... Тем не менее вина все же остается виной... На основании параграфа 1 закона об охране общественного спокойствия требую в качестве меры наказания трех лет каторжных работ.

Следующим выступил адвокат, которого нанял Юхэй Асидзава для защиты по делу Окабэ. Однако все, что намеревался сказать защитник, уже было сказано прокурором в обвинительной речи! Защитник без всякого воодушевления — что-то невнятно бормотал в течение десяти минут — не больше — и закончил требованием полного оправдания.

Под конец председатель суда спросил у прокурора, нет ли у обвинения какого-либо дополнительного мнения. Прокурор, не вставая с места, удобно облокотившись на стол, ответил:

— Окончательное решение предоставляю на усмотрение председателя... Действуйте, господин судья!..

Тогда председатель, повернувшись к обвиняемому, сказал таким тоном, точно спрашивал у него совета:

— Что, если нам прийти к такому решению: два года каторжных работ с отсрочкой исполнения приговора на три года, — иначе говоря, условно?.. Если вы не удовлетворены, вам предоставляется право апеллировать к вышестоящим инстанциям...

В случае подачи апелляции нужно было пробыть в тюрьме еще по крайней мере несколько дней, поэтому Кумао Окабэ согласился с приговором и был тут же освобожден из-под стражи.

Суд над Ясухико Мацуда проходил в таком же духе. Это был удивительный судебный процесс, где все было известно заранее. Судьи и прокурор выглядели такими растерянными и жалкими, что у самих обвиняемых не хватило духу сердиться на них всерьез.

Международный обозреватель Кироку Хо-сокава, с которого и загорелся весь сыр-бор — пресловутое «Йокогамское дело», тоже предстал перед судом вскоре после окончания войны. Однако, в отличие от других журналистов, этот старик занял непримиримую позицию по отношению к суду. Он не хотел

удовлетвориться лишь тем, чтобы выйти наконец на свободу, а пытался теоретически объяснить весь этот процесс и посрамить судебные власти. Поэтому судьи не имели возможности разыграть с Хосокава такой же фарс, как с другими; им пришлось сделать попытку повести процесс так, чтобы все обвинения действительно были обоснованы и концы вязались с концами. Но закон об охране общественного спокойствия, каравший политические преступления, уже отошел в область предания. Судье пришлось из кожи вон лезть, чтобы найти законные основания для немедленного освобождения Хосокава.

В конце концов «главный зачинатель движения за восстановление Компартии» Кироку Хосокава был освобожден за отсутствием каких-либо прямых улик. Суд над ним окончился без всякого приговора. Дело было просто прекращено.

Так завершилось, наконец, «Июкогамское дело», длившееся в течение трех лет, с осени 1942 года, и перешедшее за этот срок все пределы жестокости.

Что вообще представляют собой эти так называемые законы, на которых построено государство? «Плохих законов не бывает. Закон — благо. Нарушение закона — зло», — так постоянно внушали народу Японии. Одна-

ко эти столь совершенные законы за одно утро внезапно утратили всю свою силу и перестали быть благодатью, а судьи — чиновники императора, на которых было возложено осуществление этих законов, лишившись опоры для своих суждений, очутились в состоянии полной растерянности... Таковы были эти удивительные, таинственные законы, к подчинению которым на протяжении десятилетий вынуждали народ Японии, согласно которым его карали, арестовывали, казнили!.. Несчастный народ! Лишенный права малейшего возражения, придавленный налогами и поборами, он вынужден был ценою жизни защищать то, что признавалось благом согласно этим законам, вынужден был по одной лишь «красной бумажке» беспрекословно идти в армию, нести там тяготы, хуже последней скотины, повинуюсь приказам офицеров и старших начальников, и в довершение всего, погибать, как об этом поется в песне:

Глянь на море —
В море трупы,
За волной и под волной.
Выйди в горы —
В горах трупы
Поросли густой травой...

Такова была судьба верноподданных Японской империи, свято чтивших законы.

Перевела с японского И. Львова

Поющие голоса ЯПОНИИ

«Поющие голоса Японии» — так называется прогрессивная организация, объединяющая японских сторонников мира — любителей пения. Во главе этой организации стоит пламенный пропагандист песен мира и труда, лауреат Международной Ленинской премии Акико Сэки. Ниже мы публикуем тексты нескольких песен, исполняемых «Поющими голосами». Авторы текстов — современные японские поэты Тадасукэ Сэки и Масао Такахаси. На русском языке песни публикуются впервые.

ТАДАСУКЭ СЭКИ

ПЕСНЯ СЕРДЦА

Есть пустые поля, где не встретишь грача;
Есть моря, где не носятся чайки, крича
Над разбегом угрюмой волны.
И в сожженных селеньях гуляют ветра,
И разносится гул оружийный с утра —
Этот памятный голос войны.
Мы наш мир защитим. Встанем все как один!
Зелень всходов и юности цвет оградим
От руин и смертей на века.
Пусть сверкают священной свободы лучи.
Над страной восходящего солнца звучи,
Песня сердца, как свет маяка!

МАСАО ТАКАХАСИ

В БОРЬБЕ

В бурях, в борьбе
Очищаются наши сердца.
В бурях, в борьбе
Закаляется воля бойца.
Северный ветер, свисти! —
Смело навстречу тебе,
Улыбаясь нелегкой судьбе.
Мы пойдем, не сбиваясь с пути,
Чтобы завтра, собравшись вместе,
Нам пропеть о победе песни,
Выходи сегодня, ровесник!
Молодые, тесней ряды!

Перевел Арсений Онищенко